

Чу Инь, конечно, не забыл человека по имени Цзи Чжаньюй. Просто его слух был слишком чувствителен, а в памяти сохранился совсем не тот голос Цзи Чжаньюя, к которому он привык, — вот он и почувствовал себя чужаком.

Или, как говорится, версия прошивки просто не успела обновиться.

Однако он очень быстро сообразил, кто перед ним... Цзи Чжаньюй! Кого-кого, а этого человека он точно не мог забыть!

Среди всех знакомых из тех времён больше всего крови он попил именно у него, хотя толком и сам не мог объяснить почему.

Чу Инь отрешённо прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания: бесчисленное количество раз он ругал Цзи Чжаньюя, бессчётное число раз разговаривал с ним с сарказмом и подначками, сорвал одну из его сделок и даже однажды публично ударил...

В общем, ничего хорошего он тогда не сделал. К тому же он был вторым молодым господином семьи Чу из Цзиньчэна — даже если он измывался над людьми, никто не смел сказать ему поперёк ни слова.

Хотя Цзи Чжаньюй тогда никак не показывал своих чувств, Чу Инь чувствовал: каждый раз, когда Цзи Чжаньюй смотрел на него, в его взгляде читался глубокий скрытый смысл.

Ему казалось, что на душе у того примерно следующее: сегодня река течёт на восток, а через тридцать лет повернёт на запад, не смей презирать бедного юнца.

Ах, теперь и впрямь наступила эпоха «реки, повернувшей на запад». Неужели Цзи Чжаньюй пришёл отомстить ему?

Вспомнив всё это, Чу Инь поднял голову и увидел, что Цзи Чжаньюй стоит перед ним с крайне мрачным видом. Сейчас он стал ещё выше, чем в прошлые годы, и одно лишь его приближение создавало ощущение огромного давления.

Почему с тем желторотым парнишкой он мог разговаривать мягко и мило, а к нему относится с таким презрением? Неужели он сам ему настолько неприятен?

Цзи Чжаньюй чувствовал, что поступает как-то недостойно.

— Ох, — кивнул Чу Инь и, поднявшись на ноги, уже собрался уходить.

Заметив, что Чу Инь встал и хочет уйти, Цзи Чжаньюй невольно сжал в кулаки руки, опущенные вдоль тела... Больше всего на свете он хотел, чтобы Чу Инь остался в поле его

зрения.

Обескураженный властным натиском Цзи Чжаньюя, Чу Инь отступил на полшага назад и заметил, что лицо мужчины стало ещё более мрачным... Точно, он ведь и правда так сильно его ненавидит! И теперь ему больше не нужно, как в былые годы, через силу терпеть собственное отвращение и любезничать с ним.

Он что, до метра девяноста дорос?

И всё же в этот момент никто вокруг не стал бы возражать против сказанных им слов.

У стоявшего перед ним мужчины были глубокие черты лица, несравненная красота и высокая, прямая осанка. Даже в элегантном, излучающем благородство костюме было заметно его крепкое, атлетичное телосложение.

Чу Иню, чей рост составлял солидный метр восемьдесят, сейчас даже пришлось слегка задрать голову, чтобы разглядеть его лицо.

Стоило Чу Иню выйти, как следом за ним, найдя предлог, удалился и Цзи Чжаньюй.

А эти его полшага назад — это он всерьёз? Неужели его приближение настолько противно?

Едва выйдя за дверь, он увидел, что Чу Инь копается в телефоне, отвечая на сообщения, — наверняка тому желторотому парнишке.

Правда, лицо у него было темновато.

Он не хотел выглядеть перед Чу Инем ещё более жалко, поэтому мог лишь изо всех сил делать хорошую мишуру при плохой игре. С ледяным выражением лица он произронил слова, шедшие вразрез с его сердцем:

— Посторонним нечего околачиваться здесь, вы мешаете людям работать.

При мысли о том, что в глазах этого человека он, должно быть, являлся фигурой, от которой хочется держаться подальше, Цзи Чжаньюй с трудом сдерживал выражение лица.

И это учитывая, что он обладал титулом лучшего киноактёра...

Впрочем, оставаться здесь ему и так не хотелось: было слишком жарко, и немного кружилась голова.

На самом деле всё так и было: Се Юйчао сказал, что ему понадобится ещё примерно около часа, велел Чу Иню не ждать его и пообещал чуть позже принести еду с собой.

Оказывается, строчка из песни о том, что «чувство беспомощности и позора ранит сильнее, чем утрата», — чистая правда.

На душе у Цзи Чжаньюя становилось всё тоскливее.

Чу Инь поджал губы, и его тон стал холодным и отстранённым:

— Цзи Чжаньюй, что-то случилось?

В ответ на сообщение Чу Инь написал «не нужно» — он планировал заложить часть привезённых с собой предметов роскоши, поскольку чувствовал, что долго задерживаться у Се Юйчао не сможет.

Всё-таки в кармане должны водиться хоть какие-то деньги, иначе в этом мире буквально шагу не ступить.

Отправив сообщение, Чу Инь направился к выходу. Стоило ему вдохнуть свежего воздуха, как в голове резко помутилось. Нахлынувшее ощущение нехватки кислорода лишило его равновесия: сделав пару шагов и зашатавшись, он уже собирался упасть, как вдруг кто-то схватил его за руку. Поддавшись этому усилию, Чу Инь рухнул кому-то в объятия.

Перед глазами Чу Иня всё побелело, и перед тем, как потерять сознание, он услышал, как кто-то испуганно выкрикнул его имя.

— Чу Инь! — Цзи Чжаньюй подхватил Чу Иня и, подхватив на руки, поспешно унёс в свою гримёрку, собираясь вызывать скорую помощь.

Увидев, что босс возвращается, да ещё и с красивым молодым человеком на руках, Чжао Анни тоже испуганно ёкнула, решив, что у парня случился внезапный приступ тяжёлой болезни.

В компании имелся запасной одноразовый кислородный пакет как раз на случай непредвиденных ситуаций. Пока не приехала скорая, Чжао Анни бросилась звонить и организовывать всю эту реанимационную помощь.

Когда медики поднялись наверх и потребовали надеть на Чу Иня кислородную маску, Цзи Чжаньюй в полной растерянности помог ему её снять.

Лицо Чу Иня было смертельно бледным — если бы не защитная маска, скрывавшая его всё это время, он бы заметил это гораздо раньше.

Цзи Чжаньюй коснулся лица Чу Иня и увидел, как у того затрепетали ресницы, словно он собирался очнуться.

Цзи Чжаньюй испуганно отдернул руку, боясь вызвать у Чу Иня ещё большее отвращение, и поспешно перенёс его на кровать в своей гримёрке, а сам сел рядом, приняв самый что ни на есть благопристойный и чопорный вид.

Чу Инь пробыл в отключке несколько минут, и, едва придя в сознание, сразу понял, что у него случился приступ гипогликемии.

Его организм привык к слишком изнеженному уходу. После возвращения на родину ему требовалось время на адаптацию к местному климату и воде, к тому же он всё время готовил себе сам... Хотя Чу Инь и умел стряпать, его навыки ограничивались уровнем «съедобно», а правила сочетания питательных веществ он никогда не изучал. Каждый день всё сводилось к принципу «хочу это — готовлю это».

И вот сегодня, стоило ему оказаться в этой прогретой отоплением фотостудии, как в полной мере проявились все его скрытые проблемы со здоровьем.

Чу Инь приподнялся на постели, сперва заметив висевший на нём кислородный мешок, а затем разглядев и сидящего у изголовья Цзи Чжаньюя.

— Как ты себя чувствуешь? — с беспокойством спросил тот.

Тут Чу Инь понял, что это Цзи Чжаньюй помог ему.

— Спасибо, ты вообще-то неплохой человек.

И ведь казалось бы — так сильно его ненавидит, а бросить умирать не бросил.

— ... — Голова у Чу Иня всё ещё кружилась, поэтому он, разумеется, не мог заметить странного выражения лица Цзи Чжаньюя.

Немного успокоившись, Цзи Чжаньюй произнёс:

— Скорая, должно быть, уже подъезжает. Давай съездим в больницу, проверимся.

При этих словах у Чу Иня мгновенно прошла всякая головная боль:

— Никуда я не поеду!

У него не было на это денег, к тому же что это за напасть — банальная гипогликемия? Стоит ему нормально поесть, как всё сразу пройдёт.

Цзи Чжаньюй не сразу вспомнил о стесненном финансовом положении парня, а потому не понимал причин такого упорного сопротивления:

— Почему не поедешь?

Не желая выдавать Цзи Чжаньюю стеснённость своего положения, Чу Инь бегал глазами из стороны в сторону, увиливая от ответа:

— Да просто гипогликемия прихватила, поем — и всё пройдёт. Я раньше уже проверялся в больнице.

Достав телефон, Цзи Чжаньюй наспех погуглил симптомы и методы борьбы с низким уровнем сахара в крови и понял, что слова Чу Иня имеют под собой все основания... К тому же к гипогликемии тот действительно был склонен, о чём Цзи Чжаньюй знал ещё семь лет назад.

Раз уж сам Чу Инь был категорически против, давить на него Цзи Чжаньюй не стал. Раз уж парень был уверен, что его здоровью ничего не угрожает, оставалось лишь уважать чужой выбор.

Поразмыслив, он оставил эту затею и отправил сообщение с требованием немедленно связаться с больницей и отменить вызов скорой, чтобы зря не растрачивать ресурсы экстренных служб, после чего сделал заказ по телефону.

Закончив разговор, Цзи Чжаньюй повернулся к нему:

— Сам дойдёшь?

— Смогу, — Чу Инь сейчас был донельзя чувствителен и страшно боялся ответить отрицательно, ведь тогда тот снова погонит его по больницам.

Правда, ответив, он тут же растерялся — куда идти-то?

Цзи Чжаньюй поднялся, взял висевшую у двери куртку и набросил на плечи:

— Тогда пошли, поедим.

Чу Инь затуманенным взглядом согласно кивнул — точно, он же только что сказал, что после еды ему станет лучше.

Значит... Цзи Чжаньюй собирается покормить его?

В следующую секунду взгляд Чу Иня упал на вешалку у двери гримёрки: там висел лёгкий шарфик, который только что оказался полностью скрыт курткой Цзи Чжаньюя.

Знакомый до боли фасон.

В голове Чу Иня забрезчила догадка, связавшая воедино его прошлые два визита на рабочий обед в Синъи и недавний случай, когда Джеффри заступился за него, подарив зонт и шарф.

Но почему? С одной стороны, он явно выказывает к нему неприязнь, а с другой — делает всё это... Как же всё запутанно.

Он совершенно не умел разбираться в межличностных отношениях, а мысли и поступки этих людей казались непостижимыми.

В этом здании располагалось множество студий и небольших компаний: помимо столовой для сотрудников Синъи, на самом нижнем этаже работали торговый центр и несколько элитных ресторанов.

Чу Инь думал, что Цзи Чжаньюй поведёт его в ту самую столовую для сотрудников, где они уже бывали дважды, но в итоге послушно последовал за ним в японский ресторан.

Продукты для блюд здесь были свежайшими, за обслуживание брали отдельную плату — короче говоря, это был дорогой ресторан с весьма негуманным средним чеком. Чу Инь слегка удивился: неужели кто-то станет водить человека, который ему неприятен, в столь дорогие места?

Цзи Чжаньюй не сводил глаз с лица Чу Иня и, разумеется, не пропустил промелькнувшего там удивления, отчего в душе его невольно шевельнулось беспокойство.

Неужели спустя семь лет Чу Инь разлюбил японскую кухню?

— Не хочешь японскую? — с досадой подумал Цзи Чжаньюй, коря себя за то, что предварительно не спросил о предпочтениях парня.

Но он тогда слишком сильно взволновался: при мыслях о том, что ему посчастливилось извлечь выгоду из неприятности и разделить трапезу с Чу Инем, ему нестерпимо захотелось покрасоваться — в те времена, когда они выступали единой командой, Чу Инь страсть как любил японскую еду.

Чу Инь покачал головой:

— Нет, почему же, японская кухня вкусная, я люблю сашими из морепродуктов.

Цзи Чжаньюй немного успокоился, но, судя по словам Чу Иня, за эти семь лет его вкусы всё-таки претерпели некоторые изменения.

Ему страстно захотелось узнать о другом человеке чуточку больше:

— А кроме японской, что ты ещё любишь есть?

Цзи Чжаньюй старался придать голосу максимально беззаботный оттенок, чтобы это походило вовсе не на сбор разведданных, а на непринуждённую болтовню.

И действительно, такой тон не вызвал у Чу Иня ни малейшего подозрения.

Чу Инь задумался, и чем больше он думал, тем сильнее разгорался его аппетит. Он даже слегка высунул кончик языка, легонько облизнув нижнюю губу:

— Да всё люблю, я в еде не привередлив.

— ... — Цзи Чжаньюй заподозрил, что у него проблемы со слухом.

Когда они были по одну сторону баррикад в качестве товарищей по группе, ему довелось воочию убедиться, насколько капризным в еде бывал Чу Инь.

Он отчётливо помнил восемнадцатый день рождения Нин Цзюй: тогда они договорились поехать хого, и все были невероятно счастливы, и лишь у Чу Иня лицо оставалось холодным, как лед. Пока все сидели кружком вокруг электроплитки и с аппетитом уплетали угощение, Чу Инь сделал лишь пару палочек, а затем с унылым видом покинул стол и раньше всех ушёл к себе в комнату.

После ухода Чу Иня остальные несколько мгновений переглядывались в растерянности, и атмосфера вокруг мгновенно оледенела.

Нин Цзюй тогда выдавил из себя натянутую улыбку, а в уголках его глаз блеснули слёзы:

— Ой, я совсем забыл, что Сяо Инь не любит хого.

Теперь, вспоминая ту сцену, Цзи Чжаньюй прекрасно понимал, что слова Нин Цзюй лишь испортили репутацию Чу Иню, однако возразить на это он не мог — Чу Инь действительно терпеть не мог хого, и в последующие разы, когда они собирались поесть его, Чу Инь почти ничего не ел.

Неужели память подводила его?

— Так ты любишь хого? — поддавшись этому сомнению, невольно вырвалось у Цзи Чжаньюя.

Чу Инь смачно цыкнул языком, а в глубинах его глаз промелькнул голодный блеск:

— Люблю, конечно. Сычуаньская кухня такая пряная, к ней так много риса съесть можно.

Он действительно любил её, и насчет того, что он не привередлив в еде, тоже была чистая правда, вот только по ряду личных причин он далеко не всегда мог позволить себе есть то, что хочется.

<http://bllate.org/book/19757/1945666>